

Мара Вейра

МЕСТЬ
орудие добрых

Мара Вейра

Месть - орудие добрых

<https://litres.ru/73383219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фотограф Анна Лутнова умела видеть красоту даже в увядающем. Но в тот день сквозь объектив увидела то, что убило в ней красоту мира: измену мужа.

Её назвали виновной. Её выгнали. Её сломали.

Кирилл Коровин, странный миллиардер с репутацией затворника, предложил союз: показная любовь и тщательно выстроенная ловушка для предателей, в которой задействован настоящий арабский шейх.

Анна согласилась. Но тогда не знала трех вещей.

Первое: она считала себя жертвой, а оказалась воином по духу.

Второе: мсть имеет свойство выходить из-под контроля.

Третье: в мужчину, с которым играешь в любовь, можно влюбиться по-настоящему.

Иногда, чтобы начать новую жизнь, нужно старую сжечь дотла.

Неожиданные повороты | От боли к счастью | Новая жизнь

Иллюстрация обложки выполнена с использованием генерации Leonardo.ai

Содержание

Глава 1. Вишневый сад	4
Глава 2. Изгнание	11
Глава 3. Союзник	17
Глава 4. Предложение	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мара Вейра

Месть - орудие добрых

Глава 1. Вишневый сад

Мужчина хорошо сложен – его мускулистая спина с ровным загаром движется ритмично под лучами полуденного солнца. Женщину под ним я не вижу, только каштановые волосы, рассыпавшиеся по желтому дачному пледу.

Сердце колотится так, что, кажется, сейчас выпрыгнет из груди. Руки дрожат, но я пошире раздвигаю ветки чубушника и делаю снимок.

Затвор предательски щелкает. Мужчина замирает и резко поднимает голову.

Теперь я вижу лицо женщины.

И мир на мгновение останавливается.

Это... нет. Только не это.

Продолжаю снимать на автомате, в секунду пережив всю гамму чувств – от оглушающего изумления до вспыхнувшей белой ярости.

Аромат цветущего чубушника душит меня.

Но я щелкаю затвором до тех пор, пока он не подбегает ко мне, на ходу застегивая брюки. Каждый его шаг отдается в моих висках, каждое движение замедляется, словно в дур-

НОМ СНЕ.

– Ты очумела?! – орет он как ненормальный, в голосе звучит не вина, а паника. Чистая, животная паника. – Не понимаешь, что речь идет о жизни и смерти?!

Я прячу фотоаппарат за спину.

– Нет, это вы очумели! – кричу ему в лицо, и голос срысывается на визг. – Ничего, что Ева – твоя сестра?!

– Сводная, – отвечает мой муж, сдуваясь, как проколотый шарик. Он оглядывается на Еву, и в этом взгляде столько нежности, что меня буквально выворачивает наизнанку. – Девочка, ты как?

Она не отвечает, только смотрит на меня. И в этих злых зеленых глазах я вижу не стыд, не раскаяние. Только одно – презрение. Чистое, неразбавленное презрение к человеку, который осмелился разрушить их идиллию.

– Сережа, отбери фотоаппарат у этой сучки! – приказывает Ева, и ей настолько привычно командовать старшим братом, что даже голос не дрогнул.

Будто я застучала ее не со своим мужем, а за чем-то незначительным. За съеденным пирожным из холодильника.

– И ты выполнишь приказ? – с издевкой бросаю я мужу, чувствуя, как внутри нарастает истерика.

– Пойдем в дом, – отвечает он усталым голосом. И когда только успел так утомиться? От любовных утех?

Иду за ними, и ноги ватные, словно не мои. В голове пульсирует мысль: это не может быть правдой. Не может...

О, а они неплохо устроились! В зале на столе блестит новенькая хромированная кофемолка – та самая, о которой я мечтала, и которую Сережа якобы не смог найти в продаже. Стоят два бокала и бутылка дорогущего вина. Свечи, пока незажженные. Романтика, черт возьми!

– Анька, ты не понимаешь! – начинает он, и в голосе звучат отчаянные нотки. – У Евы муж – псих! Если он узнает, он нас обоих убьет. У него связи, деньги... Ты хочешь этого?

Вижу, что Сергей по-настоящему испуган. Лицо бледное, на лбу испарина. Только не того боится, что рушится его семейная жизнь. Не того, что разбил моё сердце. За сестричку переживает.

Ева замужем за богатеньким Буратино, который глаз с нее не спускает и готов заваливать деньгами, лишь бы она улыбнулась. Нам он, получается, родственник. Но я этого Кирилла Кирилловича Коровина лишь раз видела: полтора года назад на их помпезной свадьбе, куда полгорода было приглашено.

Ева хотела, чтобы все было шикарно, и он ей устроил. Все как она намечтала: белоснежный лимузин, фотосессия с приглашенными поп-звездами, концерт и салют до полуночи. Все Евины завистливые подруги – а у нее только такие и водятся – до сих пор зализывают раны и сравнивают с другими ту свадьбу.

А я изначально не верила, что золовка образумится и остепенится. Слишком хорошо ее знала. И вот – пожалуйста.

Ева наливает себе бокал вина и присаживается на потрепанный диванчик с таким видом, словно вообще ни при чем. Словно это не она только что каталась по пледу с моим мужем.

– Сережа, она тебе мало нервы мотала все эти годы, так теперь еще и ЭТО? – я пытаюсь взывать к голосу разума, но у мужа он сейчас явно отключен. – Она родителей ваших в могилу свела, сколько раз отец ее из передрыг вытаскивал, сколько долгов гасил...

– Ты неправа, Аня, – резко обрывает меня Сергей, и в его взгляде вспыхивает злость. – И я не советую тебе лезть в наши семейные дела.

Их семейные дела. Эти слова бьют больнее пощечины.

– Ваши семейные? – переспрашиваю я, чувствуя, как перехватывает горло. – А я, значит, просто рядом стояла все эти пять лет? Декорация? Статистика?

– Не преувеличивай, – он проводит рукой по лицу и сжимает челюсти. – Пожалуйста, сотри при мне снимки. Я знаю, что у тебя очень дорогая камера, не вынуждай меня отнимать ее силой.

– И не подумаю!

– Если Коровин узнает, мы мертвы, – Сергей говорит со мной как с ребенком. – Дай нам время. Мы уедем, исчезнем. Ты получишь всё – квартиру, бизнес. Только помолчи месяц! Всего один месяц.

Я бросаю взгляд на Еву. Вот человек, которому все нипо-

чем! Она неспешно потягивает вино, закинув ногу на ногу, и наблюдает за нами, как в театре.

– Если интересно мое мнение, – произносит Ева своим тягучим медовым голосом, и в нем слышится насмешка, – то я бы оставила все как есть. Мы же никому не мешаем. Ну иногда нас захлестывают родственные чувства! – она хихикает, и этот звук режет слух. – Что тут такого?

Эта стерва соблазнительно улыбается моему мужу, но Сергей сейчас не в том настроении, чтобы подыгрывать.

Оставить все как есть. В этот момент мысль кажется мне не столь уж отвратительной. Просто развернуться и уйти. Забыть.

Зачем я вообще приехала сюда, в этот полузаброшенный бабушкин дом?

Дело в том, что я – довольно успешный топ-фотограф. Полно заказов, но даже у меня случаются творческие кризисы. Заказчик требовал съемку в духе увядающей красоты, а студийные локации не работали. Тогда меня посетило озарение: бабушкин деревенский дом с заброшенным вишневым садом – идеальное место!

И вот к чему привело мое озарение.

– В общем, давай фотоаппарат и поезжай домой, – ставит точку в разговоре муж, и голос звучит безапелляционно. – Забудь, что видела. В твоих же интересах.

– Ты думаешь, меня остановит отсутствие доказательств? – спрашиваю я, хотя сама пока не знаю, что собираюсь де-

лать.

– А ты сомневаешься, что я могу отобрать у тебя эту штуку? – в его глазах мелькает угроза.

Муж надвигается на меня, и от его фигуры падает тень. Таким злым, жёстким я его никогда не видела. И где уж мне тягаться с хорошо тренированным мужчиной, спортсменом и владельцем фитнес-клуба? У него мускулы, а у меня только обида и бессильная ярость.

Я молча протягиваю фотоаппарат. Пальцы разжимаются сами, будто тело сдалось раньше разума.

Разворачиваюсь и иду к выходу, чувствуя на себе два взгляда – торжествующий Евы и напряженный Сережин.

Уже на пороге Ева, словно очнувшись от дремы, кричит мне в спину:

– Только попробуй к моему Коровину сунуться – он и тебя вместе с нами уроет! Запомни!

Ее голос звенит в тишине летнего дня, и я ускоряю шаг.

Сажусь в машину и только теперь замечаю джип Сергея, припаркованный не у дома, а подальше, за деревьями.

Руки трясутся так, что не сразу попадаю ключом в замок зажигания. В зеркале заднего вида отражается мое лицо – бледное, с красными пятнами на щеках.

И только когда дача скрывается за поворотом, я, наконец, позволяю себе заплакать.

Но сквозь слезы пробивается другое чувство. Холодное. Острое.

Я хочу, чтобы им стало так же плохо, как мне.
Чтобы они поняли, что такое настоящая боль!

Глава 2. Изгнание

Неделя прошла так, словно ничего не случилось. Мы с мужем существовали как соседи по коммуналке, которые давно устали друг от друга – каждый в своем углу, в своей реальности.

Он просто вернул фотоаппарат. Положил на комод в прихожей, не сказав ни слова. Даже не посмотрел в мою сторону.

Ни слез, ни разборок. Ни объяснений.

Словно в транс я завершила заказ, организовав съемку «увядающей красоты» с помощью владелицы салона флористики – моей хорошей знакомой. А потом взяла творческий отпуск.

Благо с наступлением летнего сезона мои заказчики один за другим потянулись к морям-океанам, и я могу позволить себе эту передышку.

Сергей в это время обычно занимался организацией смен в спортивных лагерях, так что у него есть повод почти не появляться дома. И он этим поводом пользуется на всю катушку.

Утро воскресенья выдалось редким – мы оба оказались дома одновременно.

– Что ты задумала?

Он входит на кухню, где я готовлю себе карри с овощами. Заговорил впервые за эту бесконечную неделю. Голос звучит

настороженно, почти по-деловому. Я не настроена устраивать разборки именно сейчас.

Точнее, я к ним не готова.

– Пока не знаю. Не решила, – я продолжаю нарезать болгарский перец, не поднимая глаз. – То, что вы сделали... или, не знаю, делаете до сих пор... Это задевает не только меня, но и мужа Евы. Это ненормально!

Моя рука дрожит, и нож опасно скользит по разделочной доске. Я сжимаю пальцы крепче.

– Знаешь, в чем твоя беда? – в голосе мужа проскальзывает что-то похожее на жалость, и от этого становится еще обиднее. – В том, что ты слишком нормальна. У тебя все должно быть разложено по полочкам. Правильно. Честно. Стерильно. А люди... они живые, не автоматы, понимаешь?

Я резко оборачиваюсь к нему, и нож со стуком падает на столешницу.

– Да уж, а сестричка твоя – самая живая из нас! Такой живчик, что не только себе, но и всем поблизости приключений на задницу найдет! Подожди, она еще устроит. Обязательно устроит!

– Не тебе ее обсуждать! – вспыхивает он, и я вижу, как раздуваются его ноздри. – Знаешь, ты, вообще-то, не во всем такая уж нормальная. С виду добренькая, правильная, а внутри у тебя огонь. Прорывается иногда, я видел. Гложет тебя злоба, Аня. Такая черная, въедливая злоба. Наверное, поэтому Бог тебе детей не дает!

Я слышу это – и начинаю задыхаться. Воздух застревает в горле, не могу вдохнуть, выдавить хоть слово в ответ. Мне плохо до тошноты, перед глазами плывут круги, а в ушах зазвенело.

Дети. Он сказал про детей.

– Что с тобой? Аня, тебе плохо? – пугается Сергей, шагает ко мне. – Прости, вырвалось сгоряча. Я не хотел...

В этот момент резкий звонок раздается в прихожей. Настойчивый, требовательный – три коротких гудка подряд.

– Ты присядь, я открою!

Я выключаю плиту дрожащей рукой и опускаюсь на стул. Ноги подкашиваются.

Из прихожей раздаются возбужденные голоса.

Ева? Неужели посмела прийти сюда?

Золовка влетает на кухню как на метле: зеленые глаза горят диким огнем, волосы растрепаны, разметались по плечам. С ходу она снимает с плеча огромную сумку-шопер и замахивается на меня.

– Вот падла подзаборная, сучка драная!

Я едва успеваю отпрыгнуть, Сергей – перехватить тяжелую сумку.

Поток брани льется мутной рекой. Лексикон Евы всегда был богат терминами, подхваченными на тех помойках, где тусовалась золовка. Но сейчас она превосходит саму себя.

Сергей хватает сестру в охапку и прижимает к себе:

– Успокойся, девочка, успокойся. Тише, тише. Аня, дай

воды! Пожалуйста!

Я молча подаю воду, которую Ева выпивает жадными, судорожными глотками. Вода льется на подбородок, течет по шее.

Затем Ева вытирает рот тыльной стороной ладони и сообщает:

– Меня выгнал Коровин.

– Как выгнал? – удивляюсь я, чувствуя, как внутри что-то обрывается.

Ведь точно я к Буратино не обращалась. Над мезью еще только раздумывала, взвешивала за и против. Угроза того, что Коровин пошлет меня к чертям и добавит пинка – в прямом и переносном смысле – была более чем реальной.

– Ка-а-ак? – передразнивает меня Ева, и в ее голосе слышна истерическая нотка. – Да вот так! Без объяснений! Утром сказал: выметайся из моего дома и забирай столько, сколько увезешь в машине. Одна поездка. Феррари мою тоже отдал – какой добрый дядя! Вот интересно, с чего бы это он взъелся? Может, умница Аня моему мужу песенку какую напела?

Я вижу в ее взгляде не только ненависть, но и отчаяние.

– Аня? – Сергей вопросительно и с укоризной смотрит на меня. В его глазах читается немой вопрос: «неужели ты?»

– Да пошли вы все! – вскакиваю со стула, чувствуя, как по телу разливается жар. – Мне смертоубийство не нужно ни разу! Не ходила я к вашему Коровину и не звонила! Никогда! Я и телефон его не знаю.

– Ага, верим тебе! – ехидно комментирует Ева, всхлипывает, и голос ее срывается. Вид у нее еще тот: тушь размазалась, лицо опухло от слез, губы искусаны.

– Мне вот что странно, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, рассудительно. – Если он узнал про измену, почему ты до сих пор жива? – я перевожу взгляд на Сергея. – И ты? И еще вещей в придачу дал, машину... Что-то не сходится! По твоим рассказам он лютей зверь!

– А вот ты позвони ему и спроси! – выкрикнула Ева. – Вы уже спелись небось, ты и этот урод!

– Так, прекращаем разборки! – прерывает нашу перебранку Сергей, повысив голос. – Еве нужно отдохнуть. Она в шоке.

– Так она теперь у нас жить будет?! – взвиваюсь я, чувствуя, как почва уходит из-под ног. – Родительскую-то квартиру профукала еще три года назад!

– Ева будет жить у нас. Это не обсуждается, – его тон не предполагает возражений. – Площади достаточно.

– Ничего себе! – я чуть не падаю со стула. – А я как собственник половины квартиры право голоса имею? Или мое мнение вообще никого не волнует?

– Имеешь, – он смотрит на меня холодно, отстраненно. – На твою половину.

Сергей приобнимает Еву, которая на ходу превращается в кроткую овечку, уткнулась ему в плечо, и оба направляются из кухни.

Внезапно «овечка» оборачивается и с шипением бросает мне в лицо:

– Ш-што, не получилось меня убить? Не вышло? Это боженьке спасибо! И еще спасибо за то, что не дал твоему языку поганому нашего ребеночка погубить!

«Вспомнила боженьку, когда рубль украла...» – мелькает мысль.

А следом врывается другое, оглушительное: «И что?! Какой ребенок?!»

Я так и остаюсь стоять посреди кухни, с мокрыми от пролитой воды руками, глядя на пустой дверной проем.

Недоваренный карри медленно остывает на выключенной плите.

А в моей голове звучит только одно слово:

Ребенок.

Глава 3. Союзник

Вот уже неделя, как я живу в доме с заброшенным садом. Я уехала. Проиграла без боя.

Нет страха за будущее, нет злости – мне просто всё равно. Однажды в детстве бабушка отругала меня за брошенное в чей-то адрес «чтоб тебе пусто было!». Сказала, что это страшное проклятие.

Так вот, теперь я чувствую его на себе, мне пусто. И я даже знаю, кто меня проклял, зыркнув зелёным глазом.

Надо возвращаться к работе, но нет сил.

Лето, тепло. Я ем овощи и прошлогодние соленья, которые покупаю у деревенских на пяточке возле придорожного кафе. Мой дом на отшибе, соседей нет, никто не беспокоит...

Из невеселых раздумий меня вырывает телефонный звонок. Судя по рингтону, – номер незнакомый. Опять банки или мошенники?

Всё же нажимаю зеленую кнопку. Слышу приятный мужской голос с легкой хрипотцой – мне такие нравятся:

– Добрый день. Я звоню Анне Андреевне Лутновой...

– Да, это я. Представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Кирилл Кириллович Коровин. Я, в некотором смысле, ваш родственник.

О! Это он. Страшный Буратино.

Сердце камнем падает в живот. Голос предательски подрагивает, когда я выговариваю его имя:

– Слушаю вас, Кирилл Кириллович.

– Анна Андреевна, сразу поясню: я осведомлён о ваших обстоятельствах. – Пауза, во время которой я судорожно сглатываю. – Вы могли бы приехать ко мне на озеро? Есть разговор. Думаю, это в ваших интересах.

– Приехать? – Я в смятении от такого предложения. – А когда...

– Да хоть сейчас. Если вы, конечно, не заняты.

Не заняты. Ну как сказать! Я очень занята тем, что пережевываю собственную боль.

– Я... могу приехать. Это будет примерно через час.

– Хорошо. Вы знаете, где дом?

– Знаю по описанию Евы.

– Он последний по дороге вдоль озера. Подъезжайте к больш́им кованым воротам, вас встретят.

Кладу трубку и с удивлением понимаю: страх перед этим человеком исчез. Может быть, голос Коровина слишком учтив, в нём не чувствуется угрозы?

А может, потому что на свете есть ещё кто-то, ненавидящий парочку предателей так же, как я.

И, кажется, я начинаю оживать.

Дом Коровина находится недалеко от моей деревни, в лесном заказнике. За последние десять лет здесь вдоль озера вы-

рос небольшой безымянный посёлок из элитных коттеджей. Их хозяева в основном не местные.

Кирилл Коровин – такая же таинственная фигура, как остальные владельцы домов у озера. Разве что в городе он более известен благодаря Еве, обожающей светские развлечения. Она много болтает о богатствах мужа. Но, кажется, даже Ева не знает, на чём Коровин зарабатывает свои миллиарды.

Массивные кованые ворота распахиваются бесшумно, словно ждут меня. Я медленно веду машину по вымощенной плиткой дорожке к дому.

Он встречает меня на пороге. Высокий, подтянутый, в дорогой, но простой рубашке и льняных брюках. Совсем не похож на злобного Буратино.

– Не дрожите так, я не кусаюсь, – при ближайшем рассмотрении внешне Кирилл Кириллович оказывается вполне симпатичным мужчиной, чуть старше моего мужа. Спортивная подтянутая фигура, приятное лицо с ухоженной модной щетиной.

В его улыбке читается что-то почти отеческое:

– Присаживайтесь в кресло. Вам чай или кофе? Моя помощница по дому принесет.

– Пожалуйста, кофе. Чёрный, без сахара и молока.

– Хорошо. Устраивайтесь.

Я присаживаюсь и взглядом фотохудожника с интересом осматриваю комнату. Судя по всему, мы находимся в каби-

нете хозяина.

Небольшой по размерам, выдержанный в эко стиле, кабинет залит полуденным солнцем из окна во всю стену. Свет рассеивается полосатыми бликами сквозь деревянные жалюзи, создавая почти киношный кадр.

– Я знаю, что вы занимаетесь фотографией. Это ваш бизнес?

Коровин усаживается в кресло за рабочим столом напротив.

Я отвечаю, устроившись поудобнее в своём, возле кофейного столика:

– Уже давно не снимаю на свадьбах, если вы об этом.

– Не хотел вас обидеть.

– С этого начинала, и ничего обидного в съёмках торжеств не вижу. Просто уровень дохода там невысокий. – Я чувствую, как голос крепнет, когда говорю о работе. О том, что было моей жизнью до... до катастрофы. – Я много училась, ездила, участвовала в выставках и больших проектах. Мне удалось найти то, чем могу заниматься с удовольствием. Это коммерческая фотография. Работаю на стыке рекламы, фэшн-индустрии и художественной фотографии с несколькими известными брендами, успешными студиями и блогерами. Для этого не обязательно жить в столице, тем более до неё рукой подать. Я и сейчас часто бываю в разъездах.

Вернее, сейчас не знаю. После того как всё рухнуло, на работу нет сил.

В это время помощница Коровина – похожая на матрешку женщина в уютном фартуке – приносит мне на подносе большую кружку кофе с разнообразными печеньями.

– Спасибо, Оля. Больше пока ничего, – кивает ей Коровина, и мы вновь остаемся с ним наедине.

Повисает тишина. Я расхлебываю вкуснейший кофе с горчинкой – как люблю – и решаюсь:

– Кирилл Кириллович, вы ведь не затем меня пригласили, чтобы узнать подробности биографии.

Он откидывается на спинку кресла, изучая меня взглядом. В глазах – странная смесь сочувствия и холодного расчета.

– Анна Андреевна, вы здесь затем, чтобы узнать правду.

– Я уже знаю правду, – В моем голосе звучит горечь.

Думаю о том, что лучше бы и не знать всего. Сердце сжимается от ностальгии по прежней жизни, где все был на своих местах: работа, муж, уютный дом.

– Сомневался в этом, но если так, то ещё лучше, – оживляется мой собеседник.

– Лучше для чего?

– Лучше для того, чтобы мы с вами стали союзниками.

Я ставлю кружку на стол. Рука дрожит так сильно, что кофе расплескивается на блюде.

– Мы с вами?! – Мой голос взлетает выше, чем хотелось бы. – В чём я могу стать союзником такому... влиятельному человеку, как вы?

– Можете. Именно вы. – Он подаётся вперёд, и его взгляд буравит меня. – Мы оба пострадали. И я предлагаю отомстить.

– Что?! Вы в своем уме?

Сердце бьётся где-то в горле. Кровь стучит в висках.

– Не дергайтесь так, словно вас ужалил шершень. – В голосе Коровина звучит почти нежность. – Вы ведь этого хотите. Конечно же, я изучил подробности вашей биографии, прежде чем пригласить к разговору. И знаете что? – Он делает паузу, давая словам дойти до меня. – Вы воин. Собственными силами вырвались из нищеты, выстроили успешную карьеру, не принося в жертву успеху свою семью. И теперь, когда один человек разрушил ваши старания, вы, несомненно, захотите отомстить.

Я сижу, открыв рот, пока Коровин методично ковыряет мои душевные раны. Каждое его слово как скальпель, вскрывающий нарыв, который я старательно пыталась игнорировать.

Воин. Он назвал меня воином.

А я-то думала, что я жертва.

Когда обретаю способность говорить, мой голос звучит хрипло, но твёрдо:

– Излагайте ваш план.

Глава 4. Предложение

– Думаю, план вас сильно удивит, – Коровин откидывается на спинку кресла, изучая меня взглядом, в котором читается любопытство. – Поэтому сначала спрошу: что вы знаете обо мне?

Я чувствую, как напряглась. Вопрос звучит обманчиво просто, но я уже поняла: с этим человеком ничего не бывает просто так.

– Ну-у... – я подбираю слова. – Знаю, что вы богатый и, как бы точнее выразиться... суровый человек.

– Суровый? – он приподнимает бровь, и в уголках его губ появляется едва заметная усмешка. – В каком смысле суровый?

– Ну, например, Ева вообще боялась, что вы ее убьете, когда узнаете про измену, – это звучит глупо, но продолжаю: – Две недели назад я застала их в нашем саду, в деревенском доме... Они уничтожили фотографии, которые я сделала, поэтому не решилась поехать к вам и рассказать об измене без доказательств. И еще Ева пригрозила, что вы ее убьете, а я буду виновата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.